

УДК: 930.26(571.63)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ЕВСТАФИЙ-4 (Восточное побережье Приморья)

Алла Викторовна ГАРКОВИК,

старший научный сотрудник Отдела первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: lab39@mail.ru

В статье описаны материалы раскопанного на восточном побережье Приморья археологического памятника Евстафий-4. Стратиграфия памятника, особенности археологического комплекса, имеющие признаки зайсановской и маргаритовской культур, позволяют относить его к раннему периоду суббореала. Планиграфия памятника даёт основание считать, что он является остатком небольшого святилища.

Ключевые слова: археологический памятник, стратиграфия, голоцен, археологический комплекс, неолит, зайсановская и маргаритовская археологические культуры.

SOME RESEARCH RESULTS OF THE EVSTAPHY-4 SITE

(the eastern coast of Primorye)

A.V. Garkovich. Ssenior researcher of Primitive Archaeological Dept. of the Institute of History, Archaeology and Ethnography (IHAE) of the Peoples of the Far-East, the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Vladivostok.

The article contains the materials concerning the archaeological Evstaphy-4 Site excavated on the Eastern Coast of Primorye. Stratigraphy and peculiarities of this complex having the features of Zaysanovskaya and Margariovskaya cultures may help to refer it to the early period of Subboreal and consider it to be the remains of a small religious sanctuary.

Key words: archaeological complex, stratigraphy, Late Stone Age, Prikhankansky variant of Zaisanovskaya and Vargaritovskaya cultures

Археологические исследования в Приморье фиксируют большое количество древних памятников вблизи морского побережья. Популярность прибрежных ландшафтов в древности определяется богатством и разнообразием ресурсов этой зоны. Высокий потенциал её определяла стабильность морских биоресурсов, чему также способствовала изрезанность береговой линии. На побережье бухт Восточного Приморья: Киевка, Валентин, Зеркальная, залив Ольги, Владимира и др. — обнаружено по нескольку ар-

хеологических памятников. Прибрежные территории каждой из бухт могут рассматриваться как своеобразные археологические микрорайоны [5]. К ним относится бухта Евстафия открытого типа, имеющая прямоугольную форму. В юго-западную часть её впадает речка Гузева, приустьевая часть русла которой параллельна береговой линии и прибойно-намывным валам. К настоящему времени известно 25 археологических памятников. Они располагаются на прибойно-намывных валах, на левом берегу реки Гузева и на мысах южной экспозиции, выходящих в пойму реки. Наибольшее количество археологических местонахождений обнаружено на северном побережье. Они приурочены в основном к оконечностям мысов, обращённых к морю. Большая их часть известна лишь по небольшим коллекциям, полученным в процессе разведочных работ (табл. 1:1).

Евстафий-4 — один из памятников, который изучен наиболее полно (в 1983 г. вскрыто более 350 кв. м культурного слоя) [1]. Он расположен в южной части побережья бухты на прибойно-намывном валу, сложенном крупной галькой и крупным морским песком, который является и террасой речки Гузева, впадающей в бухту в 500 м северо-восточнее локализации культурных отложений. Интерес к памятнику определяется его однослойностью и своеобразием комплекса — оригинальность декора сосудов, а также присутствием неутилитарных керамических изделий, позволяющих предполагать бытование на его территории небольшого святилища.

Терраса (намывной вал) узкая (40—45 м), ориентирована ССЗ-ЮЮВ; от моря удалена на 350—400 м. В настоящее время она задернована, но в центре расположена полоса выдува, лишённая дёрна. Культурные отложения локализируются в юго-западной части террасы. Для установления площади распространения культурных отложений были заложены 3 шурфа 2×4 м и траншея 36×4 м. Северо-восточная и юго-западная границы установлены шурфами № 2 и № 3, расположенными на расстоянии 139 м друг от друга. Траншея, заложённая поперёк террасы, показала, что культурный слой располагается вдоль террасы неширокой полосой (12—14 м). В результате установлена общая площадь распространения культурных отложений — около 0,3 га. Площадь распространения наиболее насыщенных культурных отложений маркируют траншея и шурф № 1. Она приурочена к центральной части террасы и «разделялась» полосой выдува. Эта часть памятника была включена в раскоп площадью 24×12 м, куда вошёл и шурф № 1.

Разрезы, полученные в результате раскопок, свидетельствуют о том, что стратиграфия во всех частях памятника была одинакова. Наиболее показательна она в раскопе. Большая часть его поверхности задернована, за исключением участков, разрушенных выдувами. Толщина дёрна 6—8 см. Под ним залегает слой тёмного гумусированного песка, мощность которого на большей части раскопа 22—24 см. К восточной части мощность гумусированного песка увеличивается до 28—32 см, а на выдуве она составляет 12—16 см (до 8 см). Верхняя часть песка, непосредственно залегающая под дёрном, имеет более интенсивный тёмный цвет, нижняя, лежащая на материке, осветлена. Археологический материал связан в основном с нижней частью гумусированного песка. Материк представлен светло-жёлтым морским песком с мелким и крупным галечником.

Таблица 1. Расположение археологических памятников на побережье бухты Евстафия

В результате раскопок вскрыта естественная поверхность террасы, на которой не выявлено ни очагов, ни чётко выраженных остатков сооружений. Лишь в северо-восточной части раскопа расчищены три округлых ямы диаметром 40 см, глубиной 18 см. На площади раскопа археологический материал располагался компактными скоплениями без каких-либо следов построек. Отмечено 5 основных скоплений находок (табл. 2). Первое (I), наиболее крупное площадью 3,3×2,5 м, концентрировалось в северной части раскопа. Два небольших скопления № 2 и № 3 располагались около западной стенки раскопа. Скопление № 2 (II) площадью 2×2,5 м локализовалось в 3,5 м юго-западнее первого. Скопление № 3 (III) размером 4×2,2 м — в 2,7 м к югу от концентрации № 2. Скопление № 4 (IV) площадью 3,5×3 м прослеживалось в юго-западном углу раскопа, а концентрация № 5 (V) 2×2 м — в юго-восточном углу. Кроме того, в нижней части культурных отложений среди скоплений археологического материала обнаружены фрагменты обугленной скорлупы орехов — маньчжурских, кедровых, лещины.

При исследовании памятника получена коллекция (4783 предмета), состоящая из каменного инвентаря, обломков керамических сосудов и небольшого количества украшений и фигурок. Каменный инвентарь представлен 447 изделиями из кремния и кремнистых пород, скорее всего, из местных месторождений. Среди них нуклеусы, ретушированные орудия: наконечники стрел, скребки, скобели, проколки, а также отщепы со следами подработки, утилизации и без них. Аморфные нуклеусы (11 экз.) — некрупные и уплощённые (5×4,5×1,3 см, 3×2,7×1,5 см, 3×2,5×1 см),

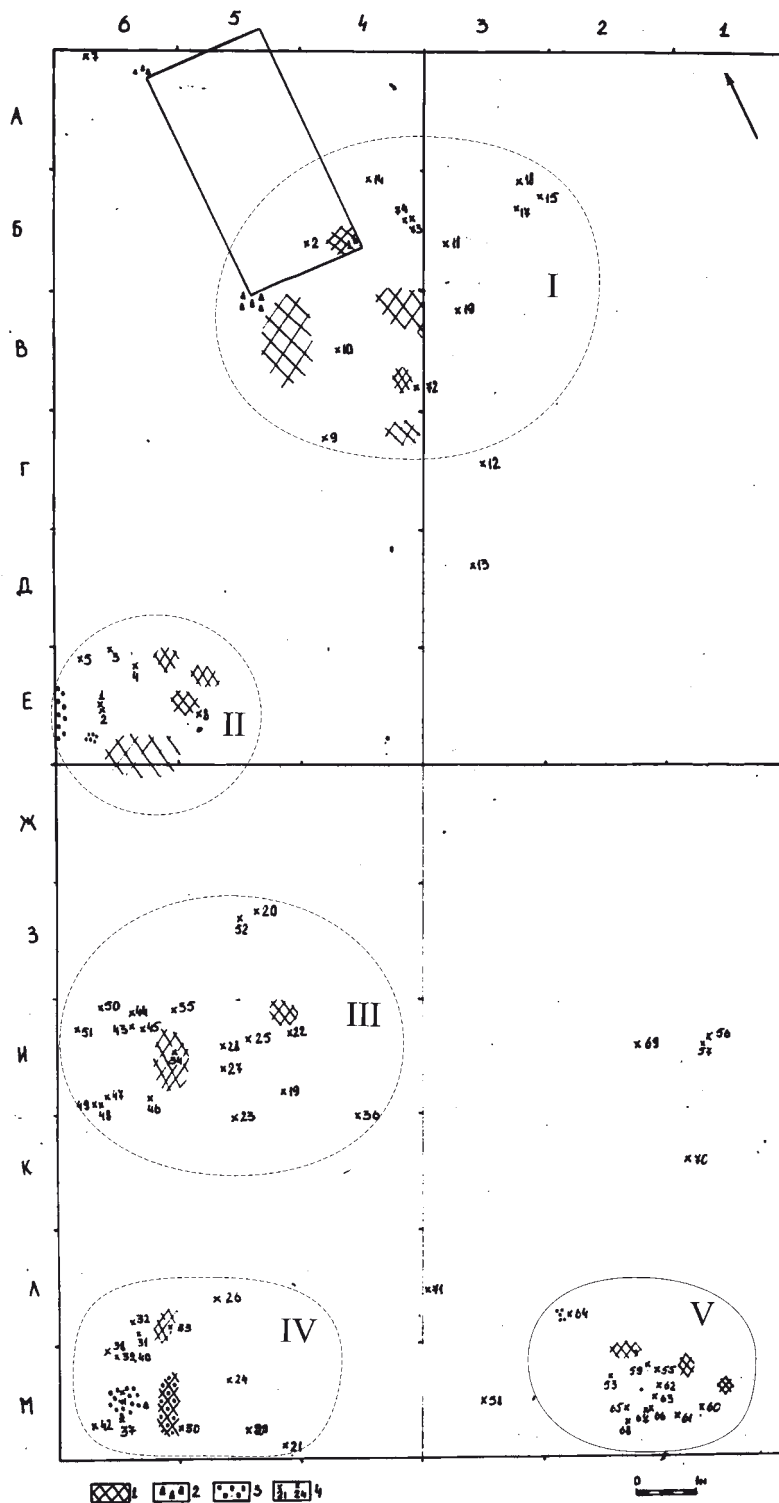

Таблица 2. План раскопа I, V — скопления материала.
 Условные обозначения: 1 — керамика, 2 — отщепы,
 3 — карбонизированные остатки, 4 — номера находок

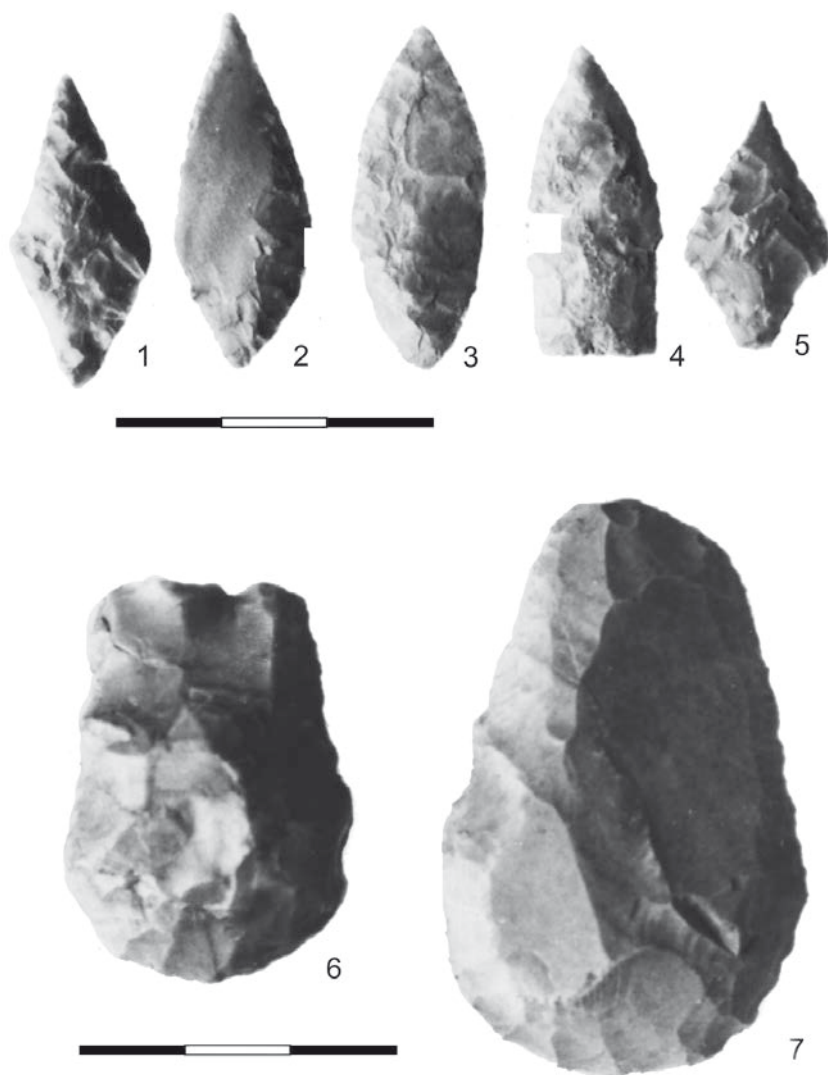

Таблица 3: 1—5 — наконечники стрел, 6—7 — скребки

двусторонние, многоплощадочные. Основной тип заготовок для мелких ретушированных орудий — аморфные отщепы. Наконечники стрел (4 целых, 4 обломка, 3 заготовки) нескольких форм: ромбические с коротким треугольным насадом (2: $3,3 \times 1,4 \times 0,3$ см; $1,5 \times 0,8 \times 0,3$ см), овальные (2: $3,5 \times 1,3 \times 0,3$ см, $3,6 \times 1,5 \times 0,3$ см), орудия с прямым или округлым основанием, имеющие верхнюю часть широких треугольных очертаний, боковые стороны почти параллельны друг другу (одно целое изделие и 3 заготовки: $6,5 \times 1,8 \times 0,5$ см — $3,1 \times 1,1 \times 0,4$ см (табл. 3: 1—5)). Форма трёх обломков не устанавливается. Скребок 7 экз., два из них из массивных заготовок высокой формы с округлым рабочим краем, обработанным крутой ретушью (табл. 3: 6—7), ($3,9 \times 2,7 \times 1,1$ см, $5,8 \times 3,4 \times 0,9$ см), 5 — с низким, слабо выпуклым или прямым рабочим краем ($2,6 \times 1,7 \times 0,4$ — $2,2 \times 1,8 \times 0,4$ см — $1,9 \times 1 \times 0,2$ см).

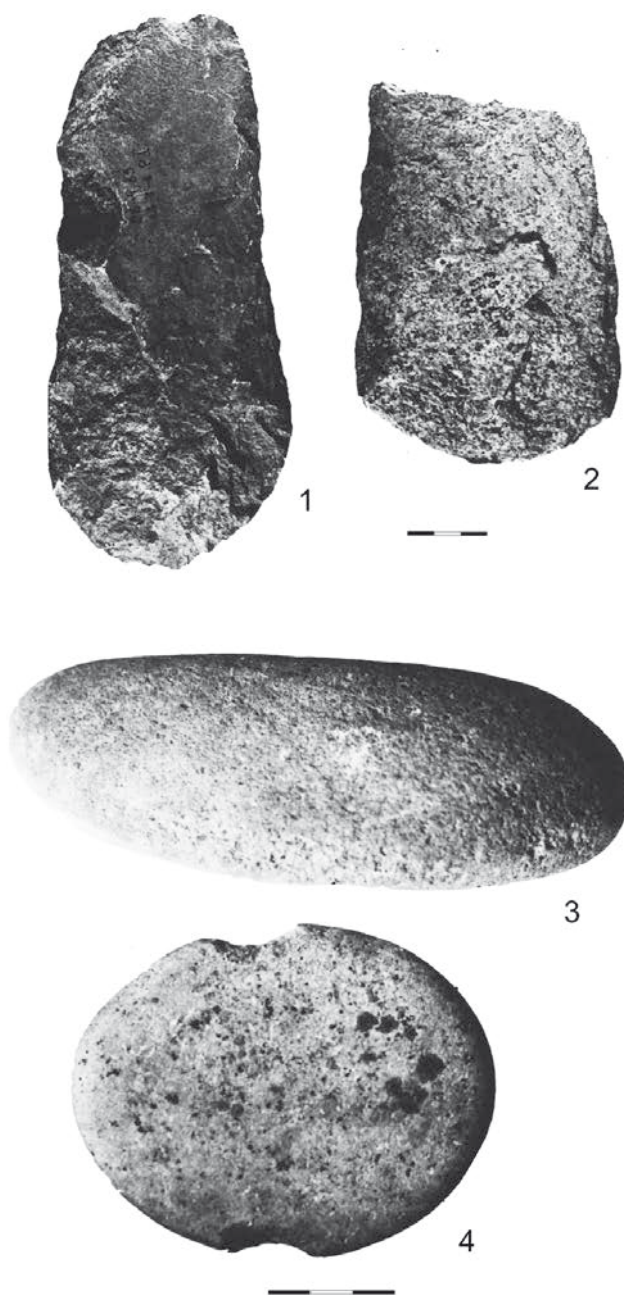

Таблица 4. 1–2 — мотыги, 3 — пест, 4 — грузило

Скобелей — 2 экз. ($3,8 \times 2 \times 0,3$ см; $5,3 \times 3,5 \times 0,4$ см), проколка — одна, длиной 1,4 см. Четыре отщепа имеют следы подработки и утилизации рабочих кромок. Обращают на себя внимание 9 небольших уплощённых плиточек светлого кремнистого сланца с несколькими сколами, поверхность одной из них покрыта фасетками мелких сколов ($5 \times 2 \times 1,8$ — $4 \times 3 \times 2$ см). Отщепов разных размеров — 357, лишь на семи заметны следы утилизации.

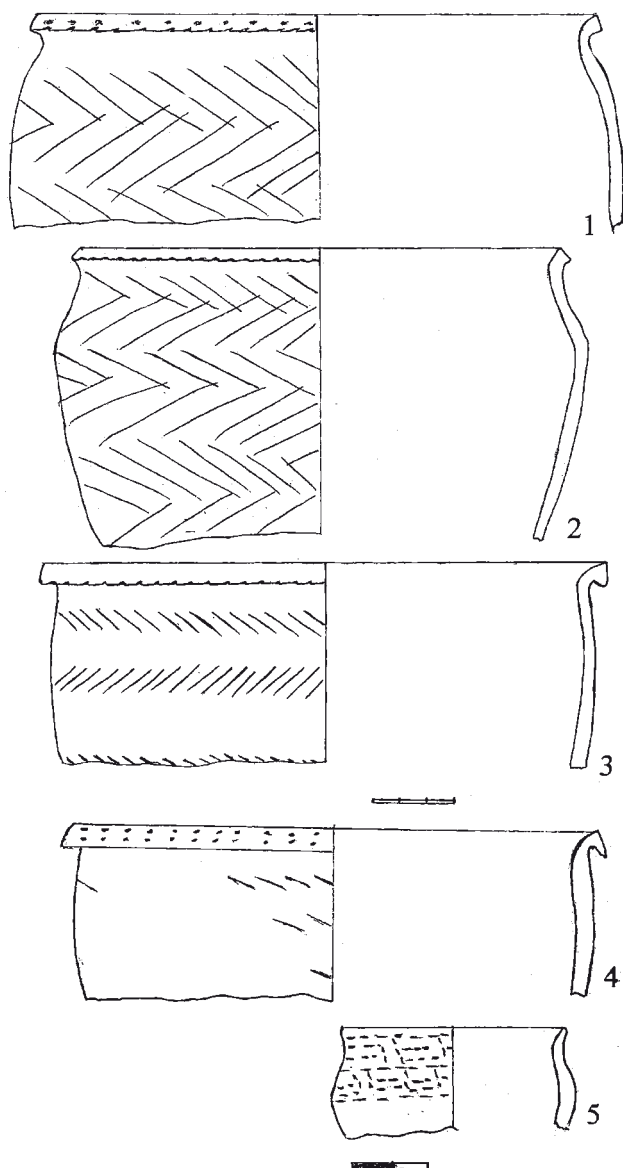

Таблица 5. Реконструированные формы сосудов

Довольно обширен набор орудий, исходным материалом для которых служили гальки из мелко- и среднезернистых пород. Для таких орудий, как тёрочки, куранты, песты, лошила, гальки использовались без обработки. Лишь при изготовлении мотыг и грузил гальки обрабатывались крупными сколами. Мотыг и их заготовок — 10 экз. (табл. 3: 10—11). Они крупные, овальные, слабо расширяющиеся к рабочему краю ($21,5 \times 10,3 \times 3,5$ — $15 \times 10,5 \times 2,5$ см). Для тёрочников использовались уплощённые гальки удлинённых пропорций. Размеры их варьировали от $19 \times 10,5 \times 3,3$ см; $16 \times 10,8 \times 3,8$ см до $12,4 \times 4,4 \times 1,6$ см, $10,5 \times 4,8 \times 1,8$ см. Рабочая зона занимала большую часть плоскости орудий, как правило, с двух сторон. Следы

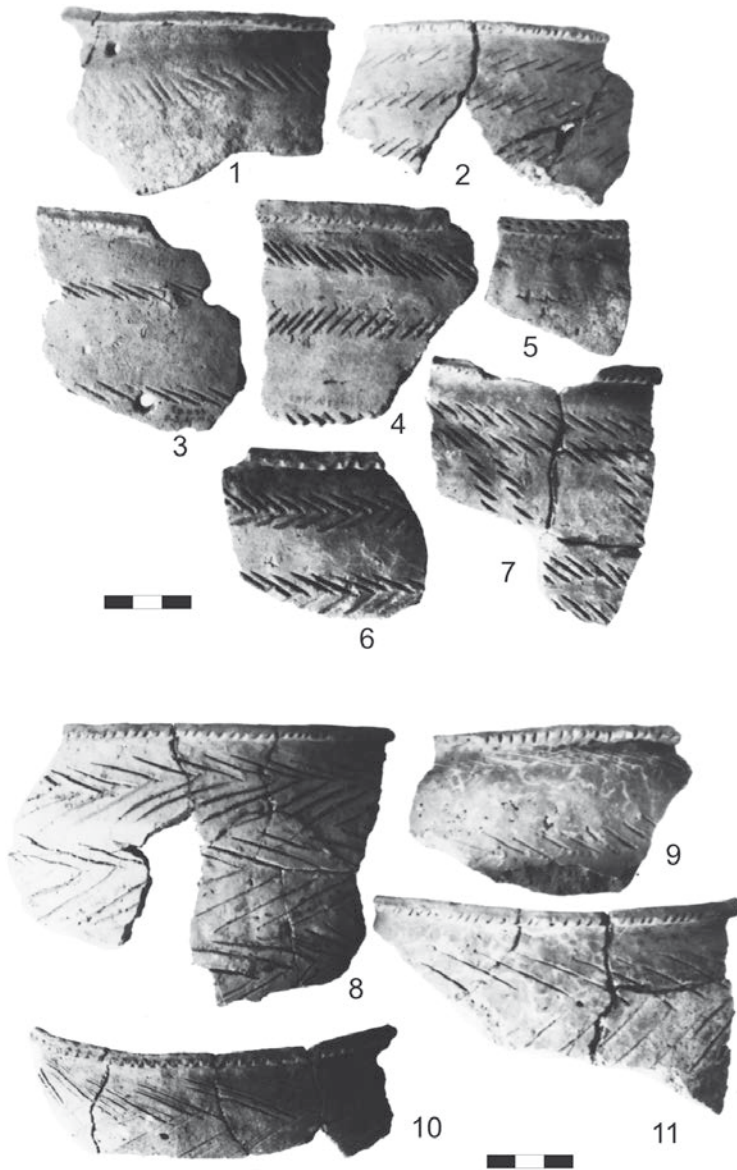

Таблица 6. Образцы орнаментированной керамики

изношенности на них фиксируются в виде параллельных рисок, располагавшихся в основном вдоль длинной оси орудия, изредка параллельно короткой оси изделий. На двух тёрочниках имеются следы вторичного использования в качестве песта и куранта. На крупной уплощённой гальке (19×11×4,5 см) и небольшой конкреции песчаника (6,5×3×1 см) имеются следы работы в качестве абразива. Рабочая часть их сглажена и немного пришлифована; 5 галек удлинённых очертаний — в качестве курантов: у крупных (12×4,5×2,5 см, 10×3,3×1,5 см) рабочей плоскостью служила узкая длинная грань, у небольших (1,8×5,23,2; 6,2×4,1×2,3 см) — широкие плоскости. В качестве лоцил употреблялись 3 небольшие кремнистые

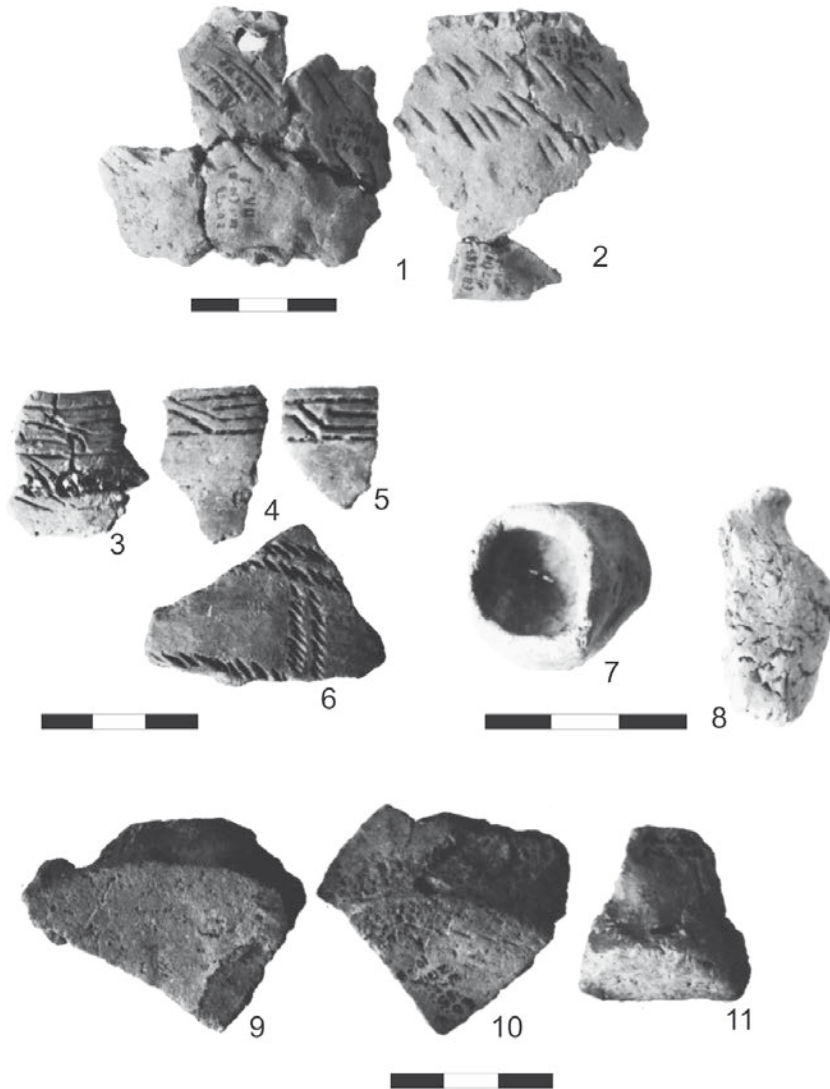

Таблица 7. Миниатюрные сосуды и донышки

гальки ($5,6 \times 2 \times 0,8 - 3,1 \times 1,5 \times 1,2$ см) и орудие шаровидной формы (Д-5 см) из мелкозернистого песчаника. Небольшим количеством представлены отбойник (1), песты (2), грузила (3) (табл. 3: 8—9). В коллекции находится 12 галек с несколькими сколами, функциональное назначение которых не определено. Шлифованные орудия представлены небольшим обломком уплощённого тесла ($2,7 \times 3,2 \times 0,6$ см).

Большую часть коллекции составляют керамические изделия. Среди них 4548 фрагментов лепных сосудов, небольшое количество пряслиц и декоративных изделий. Все керамические изделия имеют следы интенсивной окатанности. Обломки сосудов мелко фрагментированы, многие черепки расслоились. Визуальное исследование черепков и поделок даёт основание предполагать, что они изготавливались из запесоченной глины, вероятнее

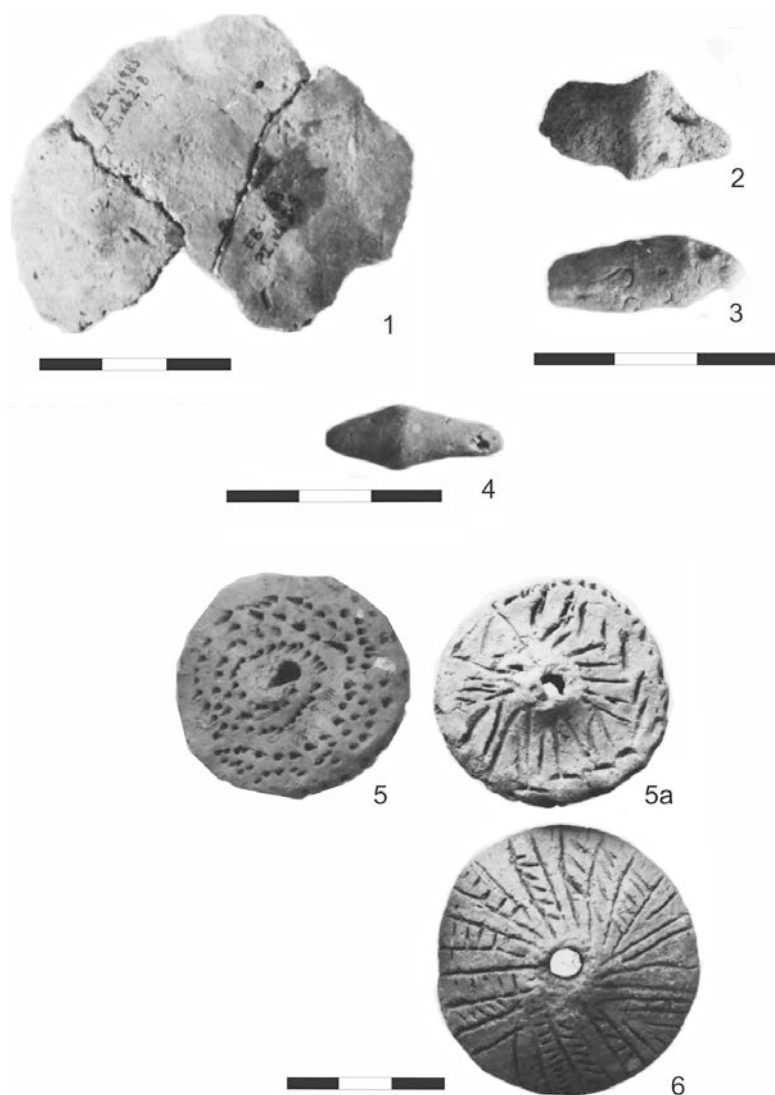

Таблица 8. Керамические изделия: 1—4 — фигурки, 5—6 — пряслица

всего, из глины, выходы которой прослеживаются в юго-западной части прибрежной зоны бухты. Сосуды формовались ленточным способом (ширина 3,5 см), толщина стенок в основном 0,5 см, реже — 0,4 см. В некоторых случаях стенки утолщались до 0,6 см (в придонной части и в зоне экватора тулова). Высокая плотность и прочность, отсутствие полосы недожога фрагментов сосудов свидетельствуют о высоком уровне обжига, в изломе черепки в основном одноцветные красно-коричневого и жёлто-коричневого цвета. Стенки сосудов покрывались тонким слоем чистой глины и заглаживались. На отдельных участках наружной (и реже внутренней) поверхности заметны следы послеформовочного затирания в виде разнонаправленных штрихов. Более тщательно обрабатывалась внутренняя поверхность изделий, которая чаще тёмно-серого цвета. Хорошо заметно, что

после обмазывания слоем чистой глины внутренняя поверхность изделий довольно тщательно залощивалась. Следы обработки дают основание считать, что использовались мягкие и жёсткие лощители. Для комплекса керамической посуды характерны некрупные лепные ёмкости. Фрагменты верхних частей с венчиками и донышки дают представление, что сосуды были плоскодонные, трёх основных форм, относящихся к структурному классу, — с горловиной. Наиболее представительны изделия двух близких форм: с невысокой горловиной, более или менее выпуклым туловом, с хорошо выраженным плечиком в верхней части, а также слабопрофилированные со слабовыраженной горловиной, образованной отгибом венчика. Эти сосуды сближает наличие венчиков, которые формировались из слабоотогнутого края верхней ленты с подлепом в виде узкого треугольного в сечении карнизика. Изделия третьей формы немногочисленны. Это слабопрофилированные сосуды с невысокой, вогнутой горловиной, со слабоотогнутым венчиком, приотстрённым краем без подлепа. Изделия с прямым венчиком единичны (табл. 1: 2—6, 5: 13—14).

Оформление венчиков-карнизиков имело ряд особенностей. На многих изделиях на наружной части венчиков заметны небольшие регулярные ямки-вмятинки — вероятные следы соединения с краем сосуда. На некоторых венчиках эти вмятинки соединены округлым орудием, образуя узкий желобок. У части сосудов плоскости венчиков-карнизиков имеют следы уплощения. Нижний край их, как правило, «волнистый». Это достигалось двумя приёмами: нанесением коротких тонких насечек или оттиском орудия, округлого в сечении, диаметром около 2 мм (табл. 4:1—11). Доньшки ёмкостей в основном хорошо обработаны, с чётким абрисом. На нижней плоскости заметны следы формовки на жёсткой горизонтальной поверхности в виде различных штрихов. Стенки и дно образуют угол — около 120°, иногда с небольшой приступочкой. Фрагменты со скруглённой линией перехода стенок в дно немногочисленны (табл. 4: 12—14). Визуально хорошо фиксируется один из приёмов моделирования доньшек: в виде чашечки, к которой крепится нижняя лента тулова. Изнутри заметно укрепление места соединения дна с туловом узкой полосой теста. Мелко фрагментированный материал не позволяет однозначно судить о размерах сосудов, их широтно-высотных пропорциях.

Аплицированные и крупные фрагменты сосудов, имеющиеся в коллекции, позволяют реконструировать некоторые параметры ёмкостей с венчиками в виде карнизика. Диаметры устья 14, 18—22 см, дна 8—10 см. Максимальный диаметр тулова изделий 17, 20, 24 см. Основываясь на анализе керамических материалов неолитических памятников Приморья, можно предполагать, что сосуды с горловиной и чётко выраженным плечом в верхней части были приземистые, ёмкости более вытянутых очертаний. Согласно разработкам О.В. Яншиной выявлено, что отношение высоты приземистых сосудов к максимальному диаметру составляет 1; 0,73; 0,83, и можно предполагать — высота сосудов с горловиной (1 форма) варьирует в пределах 14—16—18 см [12:33—34]. Некоторые представления о форме и размерах дают несколько миниатюрных сосудов, от которых сохранилась большая часть (табл. 5: 7—8, 13—14).

Тулово сосудов с венчиками в виде карнизиков (формы 1 и 2) украшалось узорами, выполненными техникой прочерчивания (протаскивания). Орнаментальное поле занимало большую часть поверхности, начинаясь на плечиках изделий, сразу под венчиком, опускаясь до придонной части (табл. 4: 1—11). Наиболее популярен зонально-поясковый узор из горизонтальных рядов коротких прочерченных прямых (36,8%)*. Они представлены несколькими разновидностями. Декор мог состоять из нескольких рядов коротких прямых с наклоном в одну сторону (34%). В одном из вариантов ширина ряда оттисков равна 0,7 см, ширина интервала между ними 0,9—1 см, в другом — ширина рядов 0,6 см, интервал между рядами — 3 см. Ещё одна разновидность представлена рядами прямых с наклоном в противоположные стороны (0,4%): ширина рядов 0,7—1 см, интервал между ними 1,8—1,6 см. Третью разновидность составляет декор из сдвоенного ряда наклонных прямых, образующих острый угол (2%): ширина орнаментальной полосы 1,5 см, интервал между ними 1,5 см. Усложнённый вариант декора из коротких наклонных прямых представляет узор, состоящий из нескольких горизонтальных поясков двойных рядов наклонных прямых, соединённых такими же вертикальными рядами: ширина двойного ряда оттисков 0,6 см, интервал между ними 1,8 см (0,4%) (табл. 4: 1—7, 9). Второй по популярности орнамент, которым украшалось тулово горшковидных сосудов, — вертикальный зигзаг (30%). Он образовывал также широкое орнаментальное поле (табл. 4: 8, 10—11). Узор наносился острым тонким орнаментиром, которым плотно прочерчивались ряды длинных разнонаклонных прямых, порой перекрывая друг друга. Прочерченный декор, композиция которого не реконструируется, составляет 29%. Слабопрофилированные сосуды с приотстрённым венчиком представлены небольшим количеством фрагментов изделий миниатюрных размеров. В их декоре использован другой принцип: орнамент наносился узким бордюром в верхней части сосуда, сразу под венчиком. Он представлял собой узкую полосу меандра, выполненного в технике отступающей палочки — около 4% (табл. 5: 9—11).

Среди изделий из глины выделяются две небольшие группы артефактов. В одну из них входит 12 предметов: небольшое количество миниатюрных фигурок, украшений и их обломков. Другую группу, также немногочисленную, составляют 12 пряслиц. Пряслица — детали орудий для прядения, производства нитей, изготовлены из того же теста, что и керамика. Почти все они имеют уплощенно-коническую форму, слабовогнутое основание. Диаметр основания 5—5,5 см, высота 1,6—1,7 см. Выпуклая часть пряслиц украшалась радиально расположенными прямыми. Пространство между ними поочередно заполнялось короткими поперечными линиями или было пустым. Узор наносился орнаментиром с заострённым краем. Среди пряслиц выделяется одно необычной формой и орнаментикой. Изделие плоское, диаметр его 4,6 см, толщина — 0,8 см. Обе поверхности декорированы: одна покрыта радиально прочерченными прямыми, оконтуренными

* Подсчёты проведены по обломкам сосудов с венчиками из раскопа.

короткими, расположенными параллельно краю изделия, на другой — узор в виде спирали, нанесённый мелкими ямками-оттисками (табл. 5: 5—6).

Наибольший интерес представляет группа артефактов из фигурок и украшений. В её составе три миниатюрных фигурки животных, которые были встречены в скоплениях в северной и южной частях раскопа. Изображение змеи с удлинённо-цилиндрическим телом и треугольной, несколько уплощённой головкой с прорисованной пастью встречено в скоплении № 5 (длина 2,6 см, диаметр 0,5 см). Концы сквозного отверстия, проделанного в сырой глине, служат и изображением глаз. Шкуру змеи имитируют мелкие подковообразные оттиски (табл. 5: 3). Другая зооморфная скульптурка представлена изображением ежа с узким треугольным рыльцем и невысокой «гривкой», обрамляющей мордочку; глаза в виде треугольно-вертикальных оттисков (скопление № 1: длина 2,5 см, высота — 1,2 см). Нижняя часть скульптурки уплощена (табл. 5: 2). Фигурка тюленя-нерпы, как и изображение змеи, является амулетовидной подвеской (скопление № 3: длина 2,6 см, наибольший диаметр 1 см). Она имеет биконическое веретенообразное тело. Голова и морда изображены лаконично: основной элемент — глаза, которые, как и на фигурке змеи, являются концами отверстия, проделанного в сырой глине (табл. 5: 4). Фитоморфная скульптурка представляет собой изображение гриба (табл. 5: 1). Шляпка его односторонне-выпуклая, ножка цилиндрическая, обломана (скопление № 1: Д шляпки 6,6 см, толщина 1 см, Д ножки 2,3 см). В скоплениях № 1, 5, 6 встречено 5 фрагментов изделий миниатюрных размеров, удлинённо цилиндрической формы (длина от 0,7 до 2, 6 см, Д — 0,2—0,7 см). Возможно, это обломки каких-то фигурок или их заготовок. В скоплении № 5 обнаружена керамическая бусина цилиндрической формы (длина 0,8 см, Д — 0,5 см). Среди фрагментов керамических изделий встречены также три мелких обломка шаровидных предметов, один из которых украшен мелкими ямочными оттисками. Описанные фигурки позволяют предполагать, что они, возможно, составляли единый комплекс, основа которого изготовлена из дерева. Это могла быть крупная скульптура или часть дерева, к которому подвешивались предметы и амулеты из разных материалов.

Для памятника Евстафий-4 характерна чёткая приуроченность культурных остатков к нижней части гумусированного песка эолового происхождения, т.е. культурные слои по времени должны соотноситься с началом формирования эоловых отложений. Результаты исследования стратиграфии памятника Валентин-перешеек, расположенного, как и Евстафий-4, на восточном побережье Приморья, дают основания связывать время формирования чёрного гумусированного песка с суббореальным периодом голоцена [1; 2: 23—25], который датируется 4,5—2,5 тыс. л.н. [7:244]. Это косвенно подтверждается датами 4900 ± 1200 л.н., полученными из суглинка, подстилающего песок подобного происхождения на памятнике Валентин-перешеек [2:24]. Согласно палеогеографическим данным из восточных районов Приморья (низовья р. Аввакумовки), территориально близких бухте Евстафия, первая половина суббореального периода го-

лоцена датируется интервалом 4,1—2,2 тыс. л.н., который делится на две тёплые фазы с небольшим похолоданием в диапазоне 3,40—3,2 тыс. л.н. [9: 56—57]. Для первой половины этого периода (4,1—3,4 тыс. л.н.) характерен умеренно-тёплый и относительно сухой климат, широкое развитие дубово-кедровых лесов и кедра корейского. По палинологическим данным, в этот период проходило формирование отложений в гротах, в частности в Мишкином гроте, у подножья Синих Скал, комплекс которого наряду с маргаритовскими признаками имеет ряд черт, присущих зайсановской культуре (её приханкайский вариант) [9: 57]. Описанная стратиграфия Евстафия-4 при сопоставлении её с палинологическими определениями памятников восточного побережья позволяет предварительно считать, что формирование его культурных отложений происходило в интервале 4,1—3,4 тыс. л.н.

Особенность данного комплекса состоит в своеобразии керамического материала, который имеет ряд признаков, свидетельствующих о близости его к поздненеолитическим «приханкайским» комплексам и материалам маргаритовской археологической культуры. Один из признаков — сочетание в комплексе некрупных сосудов с треугольным в сечении венчиком (с насечками по краю) и стенками, орнаментированными прочерченным узором в виде вертикального зигзага, с мелкими сосудами из более качественного теста, украшенными в верхней части полосой меандра, — связывает его с приханкайскими комплексами. С маргаритовскими комплексами керамику памятника Евстафий-4 сближает наличие сосудов с плавно отогнутыми треугольными в сечении венчиками близких форм: с невысокой горловиной и хорошо выраженным высоким плечиком (форма 1) и со слабо выраженной горловиной, образованной отгибом венчика (форма 2) [8: 202]. Сосуды формы 2 памятника Евстафий-4 имеют ряд признаков, сближающих их с маргаритовскими комплексами. Венчики имеют признаки намеренного уплощения наружной поверхности, которая в редких случаях украшалась, а нижний край не покрывался насечками. Стенки сосудов этой формы не имели классических прочерченных узоров в виде вертикального зигзага, а орнаментировались зонально поясковым декором, состоящим из полос коротких наклонных прямых, в которых можно видеть элементы «разорванного» зигзага (табл. 4: 1—6). Один из фрагментов чётко демонстрирует связь маргаритовских черт с сосудами второй формы. Изделие имеет треугольный в сечении венчик с уплощённой наружной поверхностью, декорированной двойным рядом мелких оттисков. Нижний край венчика — без насечек. Стенка ёмкости декорирована несколькими рядами коротких прямых линий с наклоном в одну сторону (табл. 4: 5).

В конце XX в. на востоке Приморского края частично были раскопаны памятники, которые имели «смешанные» комплексы, сочетающие черты зайсановские и маргаритовские. Это Глазковка-2, Глазковка-3, Заря-3, Преображение-1 (Лазовский р-н), Водораздельная (Дальнегорский р-н), Ясная поляна-3 (Анучинский р-н). Основные компоненты материалов этих памятников связаны с маргаритовской культурой. Зайсановские признаки проявляются лишь в деталях. Среди керамических изделий

памятника Преображение-1 найдены сосуд со стенками, орнаментированными узором в виде зигзага, выполненного в технике отступающей палочки, а также пряслице, украшенное радиально прочерченными линиями и отступающей палочкой [10]. В материалах памятников Глазковка-1 и Глазковка-3, Заря-3 встречены зайсановские элементы, проявляющиеся в основном в декоре стенок сосудов прочерченными элементами и оформлении нижней части венчиков короткими насечками. На стоянке Водораздельной эти элементы проявляются в нанесении коротких насечек по нижнему краю типично маргаритовских венчиков [8: 204]. Датировки этих памятников близки: Ясная поляна-3 — 3567 ± 30 ВР и 3602 ± 30 ВР [6: 377]), Глазковка-1: 3580 ± 40 , Глазковка-3: 3680 ± 40 , Преображение-1: 3510 ± 70 , Заря-3: 3570 ± 60 , 3520 ± 40 , 3540 ± 70 [13: ± 300 —301]. В целом их существование укладывается в интервал 3600—3550 л.н. Хронологический диапазон «приханкайской» группы поздненеолитических памятников 4000—3900—3600—3400 л.н. к настоящему времени определяется датами, полученными для памятников Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4, Ретиховка-Геологическая [4: 137; 11: 98]. Сравнение датировок памятников приханкайского варианта зайсановской культуры и памятников, относящихся к маргаритовской культуре, позволяет предположить, что памятник Евстафий-4 существовал около 3600 л.н. Сравнение датировок этих памятников свидетельствует, во-первых, об их хронологической близости и вероятном сосуществовании в какой-то период; во-вторых, по времени они соотносятся с тёплой фазой первой половины суббореального периода, который определяется интервалом в 4,1—3,4 тыс. л.н. [9: 56—57]. Существование памятников в рамках одной климатической фазы, вероятно, свидетельствует, что обе культурные группы относятся к неолиту.

Ещё один яркий признак комплекса Евстафий-4 — расположение археологического материала небольшими скоплениями, в которые входили обломки посуды, каменные орудия, небольшое количество обломков карбонизированной скорлупы орехов, а также описанные выше зоо- и фитоморфные фигурки и их заготовки. Среди скоплений были также фрагменты миниатюрных сосудиков. Археологи традиционно связывают подобные предметы с ритуально-обрядовой деятельностью. Анализ распространения этих неутилитарных предметов показывает, что они входили в состав разных скоплений на достаточно широкой площади. В то же время планиграфия «скоплений» показывает, что они расположены полукругом. Подобное нахождение материала на площади раскопа и столь редкое расположение неутилитарных предметов позволяют высказать предположение, что памятник является остатком какого-то святилища. Вероятно, в северо-восточной части раскопанной площади памятника находилось крупное ритуальное сооружение, к которому крепились различные «святы» предметы, амулеты, фигурки и т.д. Локальные скопления материала вокруг него могли сформироваться в местах приношений (жертвенников), которые оставляли группы людей, посещавших побережье бухты в сезоны, благоприятные для пополнения запасов, а возможно, и специально приходивших сюда для поклонения святому месту. Со временем сооружение разрушилось, а сохра-

нившиеся керамические предметы в процессе формирования культурного слоя оказались включёнными в несколько скоплений.

Особенности комплекса памятника Евстафий-4, его сходство с «приханкайскими» комплексами и элементы сходства с «маргаритовскими» отражают сложную картину миграций и взаимоотношений культурных групп населения Приморья и сопредельных территорий в позднем неолите. Своеобразие неолитических материалов восточного побережья Приморья отмечается давно, истоки его остаются пока неясными из-за слабой изученности этих территорий. В настоящее время известны лишь некоторые вехи древней истории восточных и прибрежных территорий по материалам более или менее широко раскопанных археологических памятников: Валентин-перешеек, Моряк-рыболов, Преображение-1, Рудная Пристань, Евстафий-4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гарковик А. В. Отчёт о полевых исследованиях на поселении Евстафий-4 в Приморье. 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10485. 63 л.
2. Валентин-перешеек — посёлок древних рудокопов. М.: Наука, 1987. 248 с.
3. Гарковик А. В. Стратиграфия поселения Валентин-перешеек и её связь с четвертичными отложениями Приморья // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 43—48.
4. Гарковик А. В. Боголюбовка-1 — памятник позднего неолита Приморья // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 131—139.
5. Гарковик А. В. Археологический микрорайон на побережье бухты Евстафия // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. С. 33—38.
6. Клюев Н. А., Гарковик А. В., Gladchenkov A. A., Пэтчей Ф. К вопросу об ареале маргаритовской археологической культуры в Приморье // Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и Российским Дальним Востоком. Пусан, 2008. С. 376—379.
7. Маруашвили Л. И. Палеогеографический словарь. М.: Мысль, 1985. 366 с.
8. Сидоренко Е. В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 270 с.
9. Синие Скалы. Владивосток: Дальнаука, 2002. 327 с.
10. Слепцов И. Ю. Жилища маргаритовской культуры (по материалам полевых исследований поселения Преображение-1) // Социогенез Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 154—158.
11. Слепцов И. Ю., Ким Чже Ен. Памятник Анучино-29 в Центральном Приморье: планиграфия поселения и типология археологического инвентаря // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 1. С. 88—99.
12. Яншина О. А. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 212 с.
13. Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I. On the Margarita Archaeological Culture: Bronze Age or Final Neolithic? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 300—302.